

Светлина Николова (София, Болгария)

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР НА VIII МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

С 4-ого по 9-ое сентября 1978 г. в Загреб и Любляне состоялся очередной восьмой международный съезд славистов — самый представительный форум славистов всего мира. В работе съезда приняло участие свыше 1000 ученых из 25 стран. Согласно предварительной программе надо было прослушать около 900 докладов на 84 заседаниях (часть докладов, однако, не была прочитана из-за отсутствия авторов). По своим масштабам этот съезд в значительной степени уступал седьмому съезду славистов, состоявшемуся пять лет тому назад в Варшаве (там было свыше 2800 участников из 27 стран и было прослушано около 900 докладов на 151 заседании), но это совсем не означает, что можно говорить об уменьшении интереса к проблемам славистики.

По установленной уже традиции, проблемы древних славянских литератур были предметом особого внимания в работе съезда. Здесь обсуждались три основные проблемы: 1. Закономерности развития древних славянских литератур (генезис, контакты, типология); 2. Античное наследие в славянских литературах; 3. Проблемы текстологии средневековых славянских произведений.

Первая проблема была разработана как в самом общем плане, так и на основе конкретного анализа отдельных литератур, отдельных жанров и произведений. Из всех докладов, посвященных важным общим закономерностям в развитии древних славянских литератур, безусловно самый большой интерес представляли доклады Петра Динкова (Болгария) „Переводная литература в развитии на старите славянски литератури (методологически въпроси)“, Йоже Погачника (Югославия) „Tipologija starih razdoblja u južnoslavenskim književnostima“ и Александра Наумова (Польша) „О системности церковнославянской литературы“.

П. Динков убедительно показал важ-

ное место, которое переводная литература, как самостоятельная структурная единица, занимает в системе древних славянских литератур, являясь динамическим фактором внутреннего развития каждой из них. Для подтверждения своей основной мысли, он показал роль переводных сочинений в возникновении и в процессе развития славянских средневековых литератур: литературное развитие славян в IX веке начинается с переводов, которые становятся художественным образцом для писателей и оказывают большое влияние на их творческую работу, формируют облик возникающей оригинальной литературы; переводная литература влияет на развитие древних славянских литератур на протяжении всех периодов их истории, она является важным фактором для культурного прогресса славян в эпоху средневековья, своеобразной творческой лабораторией в области литературного и поэтического языка, поэтики, стиля, стиха, развития жанровой системы; оригинальная и переводная литература одновременно участвуют в литературном общении между народами, и, таким образом, их роль в литературном процессе почти одинакова по важности; граница между оригинальной и переводной славянской литературой в эпоху средневековья очень укорочена и колеблющаяся, существует множество переходных форм между переводной и оригинальной литературой, переводы часто являются адаптацией и компиляцией, но, несмотря на это, граница между обоими видами произведений не исчезает, и переводную литературу нужно рассматривать в ее целостности, как совокупность литературных произведений, как выражение литературного сознания, как действительную часть литературного развития, как динамическую структуру в общей системе.

В интересном докладе Й. Погачника подробно была развита идея о существовании двух культурных регионов в южно-славянском средневековье, — восточного

и западного, — каждый из которых имеет свою систему литературных норм, свою графическую систему и специфическое языковое развитие, и о появлении переходной зоны, где смешиваются особенности литературного процесса двух главных литературных центров. Эта идея была иллюстрирована анализом общественного развития южных славян, анализом использованных графических систем (кириллица, латыница, глаголица), анализом развития письменно-литературного языка, анализом поэтики художественного времени и пространства, анализом идейно-эстетических основ южнославянских литератур. Стоит отметить, что докладчик широко использовал творчество древнеболгарских писателей (Климента Охридского, Черноризца Храбра, Константина Преславского, Константина Костенечского, Дмитрия Кантакузина). К сожалению, однако, в некоторых случаях ему были неизвестны ряд новых серьезных исследований по вопросам древнеболгарской литературы, и поэтому не все его аргументы отличались точностью (например, утверждение, что Черноризца Храбра надо причислить к Охридской литературной школе). Совершенно необоснованно его мнение, что глаголическая письменность возникла в Великоморавском государстве.

Интересным опытом выяснить проблемы общего фонда произведений древнеславянских литератур представлял доклад Ал. Наумова. В этом докладе понятие Д. С. Лихачева «литература-посредница» было конкретизировано понятием «пласт-посредник». Ал. Наумов считает, что этот «пласт-посредник» состоит из художественных образов, фундаментальных для единой структуры общего фонда произведений. К каждому из этих образов прикреплены способы его применения в произведениях, которые не являются составной частью общего фонда. «Пласт-посредник» обусловлен идеологией: идеологические изменения вызывают изменения в составе или функциях образов; изменение функции образа не мыслимо без изменения идеологии. Несомненно, доклад Ал. Наумова вносит интересные уточнения в результаты, достигнутые в изучении фонда произведений, общих для средневековых славянских литератур. Надо, однако, отметить, что избранный им термин для обозначения этого фонда (церковнославянская литература) очень неопределенный и неточный.

Некоторые типологические особенности отдельных средневековых славянских литератур были рассмотрены в докладах Андрея Н. Робинсона (СССР) «Закономерности развития средневекового героического эпоса и символика „Слова о полку Игореве“ и Надежды Драговой (Болгария) „Старобългарски фрагменти в бал-

канската книжина през средновековието“. После того, как было подчеркнуто, что солнечная символика — это один из закономерных для средневековья признаков эпической традиции у разных народов, в первом докладе были рассмотрены все моменты „Слова о полку Игореве“, где используется эта символика. Докладчик подчеркнул, что „Слово“ отличается от других памятников тем, что в нем солнечная символика не эпизодична, а исключительно последовательна во всем произведении. Он считает, что солнечная символика органично связывает „Слово“ с изображенной в нем социальной средой и эпохой, что автору произведения удалось не только поэтически развить традиционную солнечную символику, но и соединить ее совсем комплексом представлений о связях между человеком и природой, благодаря чему она играет доминирующую роль в образной системе этого произведения. После подробного анализа текста так называемой „Марчанской“ переделки „О письменах“ Черноризца Храбра, Н. Драгова подчеркнула в своем докладе, что в переделку включено утраченное сегодня древнеболгарское литературное произведение IX века и подчеркнула: подобным путем в ряде византийских, сербских и румынских компиляций XI—XVII вв. можно выделить фрагменты, которые дают представление о потерянных древнеболгарских литературных произведениях.

Несколько докладов было посвящено типологии жанров. Особое внимание было проявлено к поэтическим жанрам в древнеславянских литературах. В своем интересном докладе „Teoretické předpoklady a vývoj staročeské poezie“ С в е т л а М а т х а у з е р о в а (Чехословакия) убедительно доказала существование стихов в древнерусской литературе. Подчеркнув связь древнерусской литературы с древнеболгарскими стихами, принятые ею вместе со своей стихотворной формой, С. Матхаузерова остановилась на русской теории и практике при переводе поэтических произведений, которая также интересна, как и способы создания оригинальных стихов. Чешская исследовательница выделила несколько этапов в отношении древнерусских переводчиков к стихотворной форме оригиналов, которые тесно связаны с господствующими взглядами о переводе: в первом этапе византийские поэтические тексты переводятся, не сохраняя свою стихотворную форму, так как переводчики считают, что самое главное передать смысл текста; второй этап связан с переводческой теорией стиля „плетение словес“, распространяющейся в России с XV века и требующей перевода „от слова до слова“, — теория, которая приводит к ритмизированию текстов; сле-

дующий этап в русской стихотворной теории и практике представляет собой деятельность Максима Грека, у которого довольно широкие познания о стихотворных формах. Проблемы особого вида поэзии в древних славянских литературах — гимнографии — были затронуты в докладе Стефана Кожухарова (Болгария) „Доминиращи ритмо-мелодически модели в развитието на славянската химнография“. Автор пришел к выводу, что славянская гимнография X—XVIII вв. развивается в соответствии с общими закономерностями: используются одни и те же жанровые формы, везде они подчиняются ладовой системе восьмигласия, в одинаковой степени развитие гимнографической композиции „служба“ зависит от нелитературных факторов, которые влияют и на продуктивность определенных ритмо-мелодических моделей. К этой группе докладов относится и доклад Радмилы Маринковиц (Югославия) „О владарским биографима у српској књижевности средњег века“, в котором была подчеркнута связь жанра с общественно-политической действительностью.

Больше всего докладов, однако, было посвящено проблемам, связанным с контактами средневековых славянских литератур как между собой, так и с другими, неславянскими литературами. В хронологическом отношении эти доклады охватывали целостный путь развития древних славянских литератур и несомненно представляли вклад в исследование поставленных конкретных тем.

Самый ранний период русско-болгарских литературных связей был предметом анализа в докладе Константина Мечева (Болгария) „Кирило-Методиевото дело и началното руско летописание“. Здесь был пересмотрен вопрос о происхождении летописной статьи „Сказание о предложении книг“, которая находится под 898 г. в „Повести временных лет“. Докладчик привел аргументы в защиту взгляда, что это сочинение болгарского происхождения. Он считает, что оно перешло из Болгарии в Киевскую Русь, вероятно, в конце IX или в начале X века, когда политические и культурные отношения между обеими странами были очень активны. В докладе было высказано также и мнение, что основа произведения возникла во времена царя Симеона или его наследника Петра на основе сведений из Пространных житий Кирилла и Мефодия, дополненных болгарскими патристическими преданиями. Контакты между византийской и русской литературой самого древнего периода были затронуты в докладе Ричарда Попа (Канада) „К вопросу о сравнительном анализе до-монгольского патеричного рассказа (переводного и оригинального)“.

Проанализировав подробно рассказ „Отшельник и блудница“ из Скитского патерика и сравнив его с рассказом о Моисее Угрине из Киево-печерского патерика, а потом проследив развитие того же самого сюжета у Н. Лескова и Л. Толстого, Р. Поп сделал интересные выводы относительно роли „Слова о Моисее Угрине“ в возникновении оригинальной древнерусской беллетристики: по своим художественным признакам рассказ Киево-печерского патерика связывается скорее с Лесковым и Толстым, чем с византийскими произведениями; эти признаки дают основание считать, что оригинальная древнерусская беллетристика возникла до XV века, гораздо раньше, чем считалось до сих пор. Попытку сделать обобщение о характере связей между византийской и древнерусской литературой Киевского периода представлял доклад Френсиса Томсона (Бельгия) — „The Nature of the Reception of Christian, Byzantine Culture in Kievan Russia“. На основе изучения опубликованных данных о сохранившихся списках византийских сочинений, переведенных до XIII века, докладчик сделал вывод, что переводные произведения составляют только каталог типичной монашеской библиотеки, следовательно, переводная литература в Киевской Руси являлась обедненным отражением византийской культуры, уровень русской культуры был низкий, и Россия находилась в интеллектуальной изоляции. Выказав свое несогласие со сделанными в докладе выводами, выступившие (Е. Георгиев, Сл. Вольман, Л. П. Жуковская, Н. Драгова, Св. Николова, М. Капальдо, У. Райан, К. Мечев) подчеркнули, что приведенные в докладе данные не свидетельствуют о монашеском характере переводной литературы в Киевской Руси; они обратили внимание на тот факт, что о характере воспринятой Киевской Русью византийской культуры в целом можно судить только собрав все данные (доклад не основывался на непосредственной работе с огромным количеством рукописей, хранящихся в советских книгохранилищах, а известно, что часто они содержат больше сочинений, чем отмечено в каталогах, а также — что в ряде случаев ранние переводы сохранились в более поздних списках); что совершенно неправильно делать какие бы то ни было заключения относительно уровня данной культуры только на основе переводной литературы.

Международные контакты древних славянских литератур после XIV века были рассмотрены в нескольких докладах. Иванка Петрович (Югославия) в докладе на тему „Mirijini mirakuli u hrvatskoj književnosti srednjega vijeka“ проследила возникновение цикла чудес Богородицы в европейской средневековой

литературе, его проникновение в хорватскую литературу и его жанровые особенности. Анализируя сохранившиеся хорватские списки цикла, она пришла к заключению, что некоторые чудеса, а может быть и целые сборники, появились в хорватской литературе в XIV веке, немного спустя после появления больших собраний подобных текстов на отдельных народностях языках в Западной Европе. Источники большей части хорватских текстов следовало бы искать в итальянской литературе, которая выполняла роль посредника между западноевропейскими и хорватскими редакциями. В докладе В е р ы А н т и к (Югославия) „Апокрифический текст „Откровения апостола Павла“ в литературе южнославянских народов“ были собраны существующие данные (с некоторыми пробелами) о распространении апокрифа в южнославянской литературе с XIV по XIX век. Автор отметил большую популярность произведений среди южных славян и сделал подробную характеристику его южнославянских редакций. Г е о р г и Д а н ч е в (Болгария) в своем докладе „Особенности на развитието на българската литература през втората половина на XV век и нейните взаимоотношения с другите славянски литератури“ раскрыл подробно самые главные явления в литературном процессе у нас в исследуемую эпоху и отметил популярность произведений Димитра Кантакузина и Владислава Граматника, которые переписывались и в Сербии, России и Румынии.

Доклады, посвященные второй основной проблеме, — проблеме об античном наследии в древних славянских литературах — касались главным образом литературы периода позднего средневековья. Здесь отметим два интересных в этом отношении доклада: В. П. Гребенюка, О. А. Державиной, А. С. Елеонской (СССР) „Античное наследие в русской литературе XVII—начало XVIII века“ и П е т р а И л и е в к о г о (Югославия) „Classical heritage transformed in Damascenus Studites' sermons“. После того, как были рассмотрены элементы античной культуры, известные русскому читателю в более ранних эпохах, и было подчеркнуто резко отрицательное отношение к ним, в первом докладе внимание было сосредоточено на новые явления, характеризующие отношение к античному наследию в XVII — начале XVIII века. Убедительно было доказано, что XVII век является качественно новым этапом в освоении русской литературой античного наследия: античность начинает проникать в Россию с Запада через светские источники и сама становится здесь элементом светской культуры, читатели знакомятся с самими античными авторами, античные образы и

сюжеты становятся известны тоже благодаря переводам более поздних сочинений западноевропейских и славянских авторов, в результате деятельности писателей и публицистов-иностранцев и благодаря оригинальному творчеству Симеона Полоцкого. В докладе было специально подчеркнуто, что в отношении русских читателей конца XVII века к античному наследию намечается перелом: оно постепенно перестает быть языческой стихией, враждебной христианству, становится частью современной культуры. Доклад П. Илиевского поставил важную для болгарской литературной истории проблему, так как, как известно, сборник Дамаскина Студита имеет самое широкое распространение именно в болгарской литературе и играет существенную роль в литературном процессе славянских народов с конца XVI по конец XVIII вв. только в Болгарии. Илиевски подробно остановился на гуманизме Дамаскина Студита, основанном сколько на христианском, столько и на греко-классическом отношении к человеку как к „микрокосмосу“ и к его особому положению в мире. Он привел большое количество примеров, чтобы показать, что Дамаскин Студит знал философию, психологию и космологию Платона, физиологию, ботанику, зоологию, антропологию, гносологию Аристотеля, физику и метафизику Платона и Аристотеля и, что он подчинял целостное содержание и композицию своих слов философским мыслям древнегреческих авторов, умело переплетенных с христианскими догматично-этическими нормами в предисловиях отдельных произведений. Обнаруженные П. Илиевским факты приобретают особое значение если иметь в виду, что они касаются литературного развития Болгарии периода, предшествующего эпохе Болгарского Возрождения.

Когда идет речь о докладах, посвященных древним славянским литературам на VIII международном съезде славистов, нужно особо подчеркнуть возрастающее внимание к проблемам текстологии. Интересы славистов в этой области были направлены, с одной стороны, на текстологические вопросы, касающиеся самых ранних славянских переводных памятников, и, с другой — на проблемы, связанные с изданием средневековых славянских текстов.

Первый круг проблем был предметом обсуждения в докладах Светлины Н и к о л о в ы (Болгария) — „Постижения и задачи на изследванията върху преводните патици в старите славянски литератури“, Уйляма Ф е д е р а (Голландия) — „The glagolitic archetype of the Paterisk Skitskij“ и М а р и о К а п а л ь д о (Италия) — „Zur linguistischen Betrachtungsweise der Komposition des Codex

Suprasliensis (Die Passio der vierzig Märtyren von Sebaste)". После обстоятельного анализа исследований славянских патериков, памятников, переведенных с греческого языка еще в начальный период возникновения древних славянских литератур, Св. Николова подчеркнула, что в настоящий момент первостепенное значение имеют текстологические исследования. Только они могут дать надежную основу для успешного решения многочисленных сложных проблем, связанных со славянскими патериками. В докладе специально было обращено внимание на необходимость фиксации результатов текстологических исследований в критические издания отдельных патериков, на которых основывались бы в будущем литературоведческие и лингвистические исследования. В докладе У. Федерера на основе текстологического анализа группы рукописей Скитского патерика было доказано существование глаголического архетипа этого патерика. Таким образом, в славяноведении уже есть надежные данные о существовании глаголического оригинала двух из патериков — Скитского и Синайского, о глаголическом первообразе которого писал несколько лет тому назад французский славист Жак Леписье. Несомненно, новые данные помогут решению вопроса о хронологической последовательности проникновения патериков среди славян. В третьем докладе этой группы на основе одновременного исследования текстологических и лингвистических особенностей „Слова о сорока мучениках из Севастии“, содержащееся в Супрасльском сборнике, было доказано большое лингвистическое значение текстологических особенностей произведения и вообще важность изучения языковых особенностей вместе с текстологическим анализом, — мысль, которая в последнее время все настойчивее утверждается в лингвистических исследованиях. Очень интересной была попытка М. Капальдо реконструировать сборники, использованные при построении Супрасльской рукописи.

Вопросы, связанные с изданием средневековых славянских произведений, были поставлены в двух докладах: „Problemi kritičkog izdavanja hrvatskoglagolski h tekstova“ Бишераки Грабар (Югославия) и „Slavistische Editionschnik“ Герарда Биркфельнера (Австрия). Хотя и построенный на основе только хорватского материала, доклад Б. Грабар был интересным и с точки зрения общих принципов опубликования произведений древних славянских литератур. Безусловно, полную поддержку заслуживает основная мысль автора — критическое издание должно представлять вполне „прочитанный“ текст и, следовательно, — решать все проблемы критики текста,

отсюда проистекает и ряд требований к практическому осуществлению изданий (например, введение современной пунктуации). В своем докладе Г. Биркфельнер рассмотрел практические вопросы единой техники при опубликовании древних славянских кириллических и глаголических рукописей. Анализируя существующие до сих пор требования к изданиям, докладчик подчеркнул преимущества предложенных несколько лет тому назад Д. Богдановичем правил опубликования произведений средневековых сербских писателей, и сам предложил свой проект таких правил, касающихся вообще средневековых славянских текстов. Здесь мы бы отметили, что невозможно и нецелесообразно полное унифицирование всех изданий. В зависимости от цели и предназначения издания, от особенностей опубликованного текста в хронологическом и жанровом отношении неизбежно и необходимо существование разных видов и типов изданий, в которых соответственно будут применяться различные правила издания, причем, естественно, существуют отдельные моменты, в которых все издания могли быть едиными.

Стоит отметить и несколько докладов, затрагивающих вопросы перевода в средневековых славянских литературах. Йеж и Русек (Польша) в докладе на тему „Über die ursprüngliche Übersetzung des Triodions“ отметил существование ряда лексикальных архаизмов в переводе Триода; Гельмут Кайперт, ФРГ, („Возможности и ограничения перевода на славянский: фигуры повторения в „Житии Григория Синаита“ патриарха Каллиста“) искал предпосылки возникновения стиля „плетение словес“ в подражании не совсем удачно переведенным с греческого языка текстам, а Уильям Райан, Великобритания, („The Russian Version of the Pseudo-Aristotelian „Secreta Secretorum“) проанализировал подробно древнерусский текст Псевдо-Аристотелевого произведения („Тайная тайных“) по сравнению с еврейской, арабской, латинской и народной западноевропейской версией и нашел ее места и значения в русской литературе и истории XVI века.

Прямое отношение к проблемам древних славянских литератур имели и некоторые доклады, затрагивающие историю славистики. В докладе на тему „Значение Ватрослава Ягича для выяснения вопроса о происхождении Кирилло-Мефодиевского языка“ Константин Босилков (Болгария) детально изложил аргументы, с помощью которых В. Ягич доказывает древнеболгарское происхождение Кирилло-Мефодиевского языка, и подчеркнул, что в наше время взгляды Ягича приняты всеми. В докладе Лиляны Минковой (Болгария) „Приносът на първите

русски слависти в изучаването на българския език, на българската история и литература“ была рассмотрена деятельность О. М. Бодянского, П. И. Прейса, В. И. Григоровича и И. И. Срезневского в связи с исследованием древнеболгарского языка, с делом Кирилла и Мефодия, с опубликованием памятников древнеболгарской литературы, причем в ряде случаев привлекались неизвестные до сих пор материалы из архивов Москвы, Ленинграда и Киева.

Наконец, отметим темы некоторых интересных докладов, большинство которых было опубликовано в специальных изданиях к Съезду, объявленных в его программе, но не прочитанных на заседаниях из-за отсутствия авторов: Д. С. Лихачева (СССР) „Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур“, Д. Фрайданка (ГДР) „Древнерусская агиография как предмет литературоведения“, А. С. Демина (СССР) „Развитие массовых форм литературы у восточных славян (XI—XII вв.)“, Кл. Иванова (Болгария) „Структурно-типологическа характеристика на чети-минейните сборници в южнославянската и руската литература (XIV—

XVII вв.)“, J. Jerkov (Италия) „Modèles occidentaux dans la littérature bulgare du XVII siècle: l'Abagar de Filip Stanislavov“, J. Milin (Румыния) „Les vestiges de l'ancienne littérature slavone manuscrite du Banat et du sud-ouest de la Transylvanie“, А. И. Рогов (СССР) „Литературные связи Белоруссии с балканскими странами в XV—XVI вв.“, Г. Михайлы (Румыния) „Элементы античной греко-латинской историографии в византийско-славяно-румынской историографии“, Й. Минарика (Чехословакия) „Die Antike in der älteren slowakischen Literatur“, Е. П. Наумова (СССР) „Античные мотивы в средневековой сербской литературе“, А. М. Панченко (СССР) „Leo Tolstoj und Traditionen der altrussischen Kultur“.

Обзор докладов по проблемам древних славянских литератур свидетельствует о том, что Восьмой международный съезд славистов представляет собой новый шаг в развитии литературоведческой медиовистики. Мы надеемся, что на следующем, Девятом съезде, который состоится в Киеве в 1983 году, проблемы древних славянских литератур будут обсуждаться еще полнее и углубленнее.